

Праш также считал, что чередование мужских и женских рифм является высоким достоинством немецкой поэзии:

«Der dritte Preis kommt der deutschen Poesie von dem Unterschiede und der lieblichen Abwechselung der männlichen und weiblichen Verse, die andern Völker, den Italienern z. B. unbekannt ist».¹

Таким образом, создавая первый очерк теории русского стиха, Ломоносов изучил данные западной науки в применении к тому языку, который он считал ритмически близким к русскому. При этом, перенося указания немецкой науки на русскую почву, он относился к ним самостоятельно, применяя их к условиям русской литературной речи. Множество положений Готшеда он отбрасывал совсем, другие перестраивал; те же, которые могли пойти в дело при организации языка и стиха русской поэзии, он принимал не как ученик, а как мастер, умеющий ценить своих предшественников и использовать их работу.

РУССКИЙ ПЕСЕННИК СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В. Чернышев

Русские рукописные песенники иногда заключают в себе весьма ценные материалы, но они в малой степени до сих пор подвергались исследованию.

В настоящей работе сообщаются данные об одном таком песеннике, хранящемся в Литературном музее им. А. М. Горького в Москве.

Этот песенник написан на 142 листах, позднейшей нумерации. По более ранней нумерации рукопись с 9 листа (на 8 недостающих листах находилось заглавие и часть оглавления песен до песни «Зловредный мой пыне случай», № 81). Последняя песня, л. 142 об. новой нумерации, без номера, предыдущий № 160. Вышний номер оглавления 153. № 154 в рукописи нет. Песни под № 155—161 в конце песенника и №№ 161—166 в его начале вписаны, очевидно, после составления оглавления.

Первая песня, на л. 5 новой нумерации (13 старой) означена № 161, затем следуют №№ 162—166 и 1 и следующие с листа 10, откуда счет песен идет правильно (если не считать дублетов) до 160.

В первоначальном виде рукопись, очевидно, имела в своем начале несколько свободных страниц, оставленных для оглавления. После составления его на свободные страницы вписывались новые песни, когда песенник был написан до конца.

¹ Gottsched. Präsens gründliche Anzeige (Beiträge, Bd. II, S. 139).

«Третье преимущество немецкой поэзии состоит в приятном чередовании и перемене мужских и женских стихов, что неизвестно другим народам, например итальянцам».

В следующем списке песен ссылаемся на позднейшую нумерацию (красным карандашом), так как более старая нумерация листов чернилами не доведена до конца.

Ссылки на варианты даем на основании составленного нами рукописного списка русских песен по песенникам XVIII и XIX вв., печатным и рукописным.

Рукописные варианты, насколько они нам известны, указываются все; печатные — в одном источнике, старейшем. Песни, при которых нет указаний на варианты, не имеют таковых по известным нам источникам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ССЫЛКАХ НА РУКОПИСНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ СОБРАНИЯ ПЕСЕН

РПА — «Сборник псалм и кантов Академии Наук СССР» (16.6.32), описанный В. Н. Перетцом (Историко-литературные исследования и материалы, СПб., 1900, т. I, ч. II, приложения, 96—104).

РПБ — Рукописный песенник Гос. Публичной библиотеки (0. XIV. № 127), описанный там же, стр. 105—113.

РПВ — Рукописный песенник Тверского музея, описанный М. Н. Сперанским (Описание рукописей Тверского музея, М., 1891, № 157, стр. 244 и сл.).

РПЦ — Рукописный песенник одной из казанских частных библиотек, описанный проф. И. М. Петровским (Известия ОРЯС, 1907, кн. 1, стр. 273—294).

РП Вахр. — Канты на линейных нотах из собрания И. А. Вахрамеева, № 565, описанные А. А. Титовым (Рукописи славянские и русские, принадлежачие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 380 и сл.).

Лествицын — Песни и канты XVIII в. из собрания В. И. Лествицына, напечатанные Титовым в описании рукописей Вахрамеева, вып. III, приложения, стр. 149—204.

РП Микулиной — Рукописный песенник из библиотеки А. П. Микулиной, описанный (не вполне) академиком Пыпиным (Отечественные Записки, 1858, т. СХVI, стр. 301—340).

РП Рублева — Рукописный песенник Гос. Публичной библиотеки (0. XIV. № 11), описанный В. Н. Перетцом (Историко-литературные исследования, т. I, ч. II, приложения, стр. 114—128).

РП 1755 — Сборник песен и виршей 1755 г., из рукописей Вахрамеева, № 555, описанный Титовым, стр. 337—349.

РП 1759 — Сборник кантов 1759 г., рукопись Тверского музея, № 153, по «Описанию» М. Н. Сперанского, стр. 230 и сл.

РП 1760 — Сборник кантов Тверского музея, № 152 (3199), по «Описанию» М. Н. Сперанского, стр. 222—230.

РП 1765 — Сборник песен из собрания Вахрамеева под тем же номером, описанный там же.

РП 1766 — Рукописный песенник Гос. Публичной библиотеки 1766 г. (0. XIV. № 28). См. «Сборник Российской Публичной библиотеки». Т. I, вып. 1, Петерб., 1920, 55—59).

РП 1780 — Рукописный сборник песен Тверского музея, № 156 (3214), описанный М. Н. Сперанским, стр. 238—244.

Весельчак — Весельчак на досуге, или собрание новейших песен. . . Ч. I, М., 1797, ч. II, 1798.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I, М., 1911, вып. II, ч. I, 1917, ч. II, 1929.

Кирша — Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901.

Новиков — Новое и полное собрание российских песен. . . М., ч. I—V, 1780, ч. VI, 1781.

- П Каина — История славного вора. . . Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. М., 1792.
 П 1791 — Новый российский песенник. . . СПб., 1791.
 П 1807 — Карманный новейший песенник. . . М., 1807.
 Соболевский — Великорусские народные песни. СПб., т. I—VII, 1896—1902.
 Сумароков — Сочинения, М., 1787, т. VIII, Песни и хоры, стр. 171—364.
 Тредиаковский — Сочинения, изд. Смирдина, СПб., 1849, т. I—III.
 Финдейзен — Очерки по истории музыки в России. М., т. I—III, 1928—1929.
 Чулков — Сочинения, изд. ОРЯС АН, т. I, Собрание разных песен, СПб., 1913, редакция П. К. Симоны.
 Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях. . . Материалы, собранные П. В. Шейном, т. I, СПб., 1900.
 Тексты песен даем в современной орфографии.

СПИСОК ПЕСЕН

- Л. 5, № 161. «Еще что кому до нас, когда праздник у нас». — В песенниках не встречается. С началом: «Ах, что кому до нас» — упоминается у Салтыкова: «Убежище Моирепо», гл. IV (Сочинения, VII, 331, изд. 1892) и у Бунина: «На даче», гл. X (Сочинения, II, 136, изд. 1915).
 Л. 6, № 162. «Случилось мне итти по широкому пути».
 Л. 6 об., № 163. «Ах, тошно таково, я не знаю для чего».
 Л. 7, № 164. «Ну, мой светик, полно браниться».
 Л. 7 об., № 165. «Хорошая моя, пригожая моя!»
 Л. 8 об., № 166. «Пьян я иду, моя голубонька». — Новиков, IV, стр. 123, № 137.
 Л. 9 и об. содержит дополнительные куплеты к песне I, на следующей странице.
 Л. 10, № 1. «Есть красота цветуща паче роз и лилей». — РП 1765, № 12; РП 1766, № 24; РПБ, № 13.
 Л. 10 об., № 2. «Ная притчина, что мя безвинна» (скорым отказом отращаешь). — РП 1765, № 108; РПБ, № 127.
 Л. 11 об., № 3. «О, коль радостно время сладостно». . . — Ср. РПБ, № 53.
 Л. 12 об., № 4. «Ты ныне, бедная, себя уж отчай».
 Л. 13 об., № 5. «Пропало все зло, кое мя мучило тогда». . .
 Л. 14, № 6. «Тобою дышаю, иной не знаю».
 Л. 15, № 7. «Добро тому жити кто весел живет».
 Л. 15 об., № 8. «Мыслию ныне дни препровождаю. . .»
 Л. 16, № 9. «Добро тому жити, кто весел живет». — В рукописи песня зачеркнута, так как она — повторение № 7.
 Л. 16 об., № 10. «Ах, горе, горе в нещастий жити».
 Л. 17, № 11. «Великую мою радость теперь на примете». . . РПБ, № 5.
 Л. 17, № 12. «Смешно глядеть на тебя. . .»
 Л. 18, № 13. «Ах, люди, люди, что не рассуждают!» — РП 1765, № 148.
 Л. 18 об., № 14. «Не могу забыть с кем разлучаюсь. . .»
 Л. 19, № 15. «Смутен я хожу, хотя и смеюсь. . .»
 Л. 19 об., № 16. «Ах, бедная совесть моя не дает покою. . .» — РПБ, № 23.
 Л. 20, № 17. «Ах, горе мне бедному, несносно терпети. . .»
 Л. 20 об., № 18. «Несносная печаль меня сокрушает. . .» — Ср. РП 1765, № 147.
 Л. 21 об., № 19. «Фартуна переменна в свете бывает. . .»
 Л. 22, № 20. «Тяжко без соленца (солнца) пребывати в лете. . .»
 Л. 22 об., № 21. «Ах, горе беда на свете бесщастной!»
 Л. 23, № 22. «Ах, тошно, тошно на чужей стране жити. . .»

- Л. 23 об., № 23. «Не чаял я так лукава быти Купидина. . .»
- Л. 24, № 24. «Нешастие злое все ко мне приступило. . .»
- Л. 25, № 25. «Отправляюся в дорогу, не бояся вод. . .» — РПБ, № 138; РП Рублева, № 144.
- Л. 26, № 26. «Чи яж тому виноват, вдова молодая?»
- Л. 26 об., № 27. «Радость моя, сладость твоя во мне превратися». — РПЦ, № 3.
- Л. 27, № 28. Чем я тебе досадил, моя дорогая». — П 1791, ч. II, № 13.
- Л. 27 об., № 29. «На горах Валдайских ходил Аполлон». — РПБ, № 32.
- Л. 28, № 30. «Пойте птички во саду, разгулятца к вам иду». — РП Микулиной, № 23; РПЦ, № 20; П 1791, ч. II, № 39.
- Л. 28, № 31. «Приспе время мне вам ныне объявить. . .» РП 1765, № 97.
- Л. 29, № 32. «Гдеж моя девонюшка ходила». — РП Рублева, № 175.
- Л. 29 об., № 33. «Ах, зело мне дивно, что тот говорит!»
- Л. 30, № 34. «Ах, под вишнею, под чериешнею. . .» — Новиков, 1780, ч. IV, стр. 118, № 132.
- Л. 30 об., № 35. «Пойду ли я молодец, пойду погуляю».
- Л. 31 об., № 36. «Ах, вы девушки сударушки мои!» — Чулков, стр. 649.
- Л. 32 об., № 37. «Ах, по реченьке гоголюшка пловет. . .» — Чулков, стр. 640.
- Л. 33, № 38. «Ах, велика мне беда, говорю друг без стыда». (Вся песня вачеркнута.) — РПЦ, № 44; РП 1766, № 93.
- Л. 33 об., № 39. «Белая голубонька тяженько вздыхала. . .»
- Л. 34, № 40. «Вечер млада младешенька я пьяна была». — РП Рублева, №№ 55, 84.
- Л. 34 об., № 41. «В свете живет беспокойно блядка белокура».
- Л. 35, № 42. «Гой, гой, сядем в коло, ах весело выпиваймо. . .»
- Л. 35, № 43. «Ни в уме было, ни в разуме, в помышленьи да тово не было. . .» — П Каина 1792, № 19 (иного содержания); «Весельчак», ч. I, № 184.
- Л. 36, № 44. «Я пойду ли молода с(к)возь трои ворота. . .» — РП Рублева, № 64 — Соболевский, V, стр. 336. Наш текст несколько полнее и местами исправнее.
- Л. 36 об., № 45. «Студеные ветры ныне возвеша».
- Л. 37 об., № 46. «Велела мне мати зелен ячень жати. . .» — РП Васильева, 1760, л. 85 об.; Новиков, IV, стр. 174, № 191.
- Л. 38, № 47. «Ах, кабы на цветы не морозы, зимой бы цветы не померкли». — Чулков, стр. 191.
- Л. 38 об., № 48. «Приехал кум до куменьки, своей голубоньки».
- Л. 39, № 49. «Между горами рощумела речка».
- Л. 39 об., № 50. «Далече во чистом поле, при зеленой дуброве. . .» — Новиков, ч. I, стр. 192, № 197.
- Л. 40 об., № 51. «Соловей ли то на сем свете не птица. . .»
- Л. 40 об., № 51 (bis). «Матушка матушка, головка болит!» — Шейн, №№ 806—808.
- Л. 41 об., № 52. «На заренце встану, на реченцу взгляну».
- Л. 42 об., № 53. «Ах, свет моя кудрявая береза!» — Кирша, № LIIa, стр. 163.
- Л. 42 об., № 53 (bis). «Еще далече, далече да во чистом поле. . .» — Чулков, стр. 642.
- Л. 43 об., № 54. «Красота моя преизличная, ясны(й) свет очей моих!» — РП 1760, л. 59 об.; РП 1765, № 132.
- Л. 44 об., № 55. «Ах, никто про то не знает да не ведает. . .»
- Л. 56, № 56. «Полно, сука, блядь, ерзунья, ведь не любит тя никто!» (С ногами!)
- Л. 45 об., № 57. «Спеши мысль зрело мне рассуждати. . .» — РП 1755, № 70; РПБ, № 107; РП Вахр., л. 110 об. Новиков, VI, стр. 143, № 153.
- Л. 46 об., № 58. «Сударушка, я не смею доложить. . .» — РПЦ, № 115.

- Л. 47 об., № 59. «Душа ль моя возлюбленна, красная девица!» — РПЦ, № 118; Чулков, стр. 154.
- Л. 48 об., № 60. «Светик милая хорошая моя!» — Чулков, стр. 656.
- Л. 49 об., № 61. «Пришло уж вам время правду говорить. . .»
- Л. 50 об., № 62. «Как глупая су тово кто как влюбится в ково. . .» — РП 1765, № 149.
- Л. 51, № 63. «Мерские всем стали и совсем пропали. . .»
- Л. 51 об., № 64 «Как нынеча был я у Эомича. . .» — РП Вахр., л. 114 об.; Лествицын, № 14.
- Л. 52 об., № 65. «Ныне приспе время мне вам объявить. . .» — РП 1765, № 48.
- Л. 53 об., № 66. «Много дура шутишь, ведь шутка худа».
- Л. 54, № 67. «Радуйся, красуйся, младенького улюбивши. . .»
- Л. 54 об., № 68. «Давай, давай рученьку, любезная, мне!»
- Л. 55 об., № 69. «Ах, шла я молода ввечеру поводо одна. . .» — Новиков, IV, стр. 105.
- Л. 56 об., № 70. «Откуда беда внезапно пришла. . .»
- Л. 57 об., № 71. «Сударушка воду носит, сама вода льется. . .» — РПЦ, № 114; Соболевский, III, № 396.
- Л. 58 об., № 72. «Как на улице гамят, про нас люди говорят».
- Л. 58 об., № 72 (bis). «В печали zelной ныне пребываю. . .»
- Л. 59 об., № 73. «Сударушка воду носит водица-та льется. . .» — РПЦ, № 114.
- Сверху стр. 60 об. перед № 74 записано начало песни: «Весела, весела севоднишней день, Радошна, радошна теперешной час, Видяла, видяла надежду свою». (Обычная редакция от лица мужчины, здесь — от девицы!) — В таком виде в песенниках не встречается.
- Л. 60 об., № 74. «Не пью, младешенька, ни пива, ни вина. . .» — Соболевский, III, № 491, РП Микулиной.
- Л. 61 об., № 75. «Алой цвет, всегда тя зрю, як солнечную варю».
- Л. 62 об., № 76. «Молодой удал студент (2) во ночи гуляет» (2).
- Л. 63 об., № 77. «Почто я бедны(й) на свете рожденный. . .»
- Л. 64 об., № 78. «Нещастие мое на мя днесь приходит. . .»
- Л. 64 об., № 78 (bis). «Ино богу тово судить еще спасу не попустить. . .»
- Л. 65 об., № 79. «Гей, гей, гей, что девчине стало?» — Ср. Соболевский, V, № 704.
- Л. 66 об., № 80. «Во печали я великой всегда пребываю». . . — РП 1760, л. 73 об.; РПЦ, № 108; Русск. фил. вестн., 1907, № 1, стр. 199; Финдейзен, II, Нотн. прил., № 4, стр. 199.
- Л. 67 об., № 81. «Зловредный мой ныне случай. . .» — РП 1755, л. 122 об.; РП 1766, № 79; РП Вахр., л. 110; Лествицын, № 9; РП Рубелева, № 114. П 1791, ч. II, № 3.
- Л. 68 об., № 82. «Приди, друже, ко мне. . .» — РП 1765, № 103; РП 1766, № 83; РП 1780, № 29; РПБ, № 21; РПЦ, № 103; Зеленин. Описание рукописей АГО, стр. 235.
- Л. 69 об., № 83. «Ах, мое сердце, дай себе покой! . .» — РП 1765, № III; РПБ, № 66; РП Рублева, № 141.
- Л. 69 об., № 83 (bis). «Самое время мне возвещает. . .» — РПБ, № 11.
- Л. 70 об., № 84. «Геба разыгралась, совсем разметалась. . .»
- Л. 72 об., № 85. «Ну так уже я не стал быть вашим отныне. . .»
- Л. 73 об., № 86. «Без любви и без страсти вздыхать надоб, чтоб сласти. . .» — Тредиаковский, III, 703.
- Л. 73 об., № 86 (bis). «Ах, горе, горе, я погибаю!» (2).
- Л. 74 об., № 87. «Не кокушица коковала во саду. . .» — Ср. Русск. фил. вестн., 1907, № 1, стр. 189.
- Л. 75 об., № 88. «Воспойте нам ныне (2) приятные музы. . .» — РП 1766, № 98; РП 1780, № 39; РПА, № 83.
- Л. 76 об., № 89. «Чи я тебе стал противен, что так прогневилась?»
- Л. 77 об., № 90. «За что моя радость любовь прменяешь. . .» (Строки этой песни шли по двум страницам, но следующий лист вырван.)

Л. 78, № 91. Начало на вырванном предыдущем листе; продолжение, с начала л. 78: «Как Паранюшка у матушки любимое дитя, Ще пошла наша Параня на Оку да на реку». — Ср. Соболевский, I, №№ 166—167.

Л. 78 об., № 92. «Не тоскуй, сердце, хоть вельми бедно. . .»

Л. 79 об., № 93. «Едица моя благая радость. . .»

Л. 80 об., № 94. «Улица, улица, ты широкая. . .» — См. Приложение, № 11.

Л. 80 об., № 94 (bis). «(А)х моя сударушка, куды ты нежна!»

Л. 81 об., № 95. «Ты целуй, целуй, сердечный друг!»

Л. 82 об., № 96. «Плачьте днесь мои очи нашу участь влюю. . .» — Третьяковский, III, 689.

Л. 83 об., № 97. «Хоть я невеличка (2) о том не сумнося. . .»

Л. 84 об., № 98. «Ах, за горницами, за повальшами, Что не в гусли играют не в свирели говорят». — Соболевский, II, № 615; Киреевский, II, № 1399.

Л. 85 об., № 99. «Кто бы таков был, чтоб сделал службу? . .»

Л. 86 об., № 100. «Весна катит, зиму валит. . .» — Третьяковский, III, 769. Наша редакция с вариантами, местами лучше печатной Смирдинской.

Л. 87 об., 88, 89, № 101. Отрывок из повести об Елеоноре и Александре: 1) Письмо Александра к Елеоноре («Дражайшая Елеонора, моя государыня! . .»); 2) Ее ответ в стихах; 3) Ария, которую она потом пела («Щастие, Елеонора, сама ты погубила»); 4) Ария Александра («Что мишь более со мною, Елеонора, чинити?»). — Ср. Силовский, «Русские повести», СПб., 1905, стр. 131—134.

После этого лист вырван; на нем была песня № 102: «Наглядитесь, очи, в последни на милу». — РП 1765, 1766; Лествицын, стр. 170.

Л. 89 об., № 103. «Станем в карты мы играть. . .» — Новиков, V, стр. 58, № 68.

Л. 90 об., № 104. «Есть красно в свете место, прекраснее всех мест. . .» РП 1755, № 13; РПБ, № 137.

Л. 91 об., № 105. «Уже драгие мои дни ныне миновались. . .»

Л. 92 об., № 106. «Лутче ж бы тебя не знати, а любившись перестати».

Л. 93 об., № 107. «Златые сети сколько наловили. . .» — РП 1760, л. 54 об.

Л. 94 об.; № 108. «Ах, кто на свете угадает жити. . .»

Л. 94 об., № 141. После предыдущей песни другим позднейшим почерком вписана малограмотно песня: «Лиш только завялась варя». 3 первые куплета. См. № 141.

Л. 95 об., № 109. «Вначале было весны красные. . .»

Лист после 95-го вырван: на нем был конец предыдущей песни и начало следующей 110-й, по оглавлению: «Многим во свете нужда пресецает».

Л. 97 об., № 111. «Сам я не знаю, почто так крушуся. . .»

Л. 98 об., № 112. «Красота сияет, всех нас там уязвляет».

Л. 100 об., № 113. «Что убо сугубо сердце во мно играше». — Сборник кантов 1733 г. (Финдейзен, II, 202); РП 1759, л. 54; РП 1760, л. 69; РПЦ, № 13.

Л. 101 об., № 114. «Ах, как тошно, тошно без милово жити!»

Л. 102. Продолжение песни № 115, начинавшейся на вырванном предыдущем листе.

Л. 102 об., № 116. «Еще бела голубонька (2), красная девонька» (2).

Следующий лист с концом этой песни и началом следующей 117-й вырван.

Л. 103 об., № 118. «Ах, ты матушка зима, непогожа студена!» — Ср. П 1791, ч. III, № 59; Киреевский, II, № 2657 (иного содержания).

Л. 104 об., № 119. «Ах, на нынешней неделе мы в компании сидели. . .» РП Рублева, № 46.

Л. 106, № 120. «В саду вишень (2), в саду ягоды родились».

- Л. 106 об., № 121. «Не должно тому любви являть, ниже приятна вида казать. . .» (С потоами) — РП 1765, № 14; РП Вахр., л. 46.
- Л. 107 об., № 122. «Ах, увы мне, увы, всезлюбная умри!» (С потоами)
- Л. 107 об., № 123. «Ах, я дома-то сижу, всегда-то мне тоска!»
- Л. 108, № 124. «Полно радость сокрушать сердце себя!» — РПЦ, № 25.
- Л. 109 об., № 125. «Цвели, цвели цветики, да и померкли». П 1807, № 23; Соболевский, V, №№ 589—592.
- Л. 110 об., № 126. «Ах ты девушка сударушка моя!» (Почти вся страница — другим почерком и другими чернилами.)
- Л. 112, № 127. «Ах, в нынешны не в давны времена. . .»
- Л. 114 об., № 128. «Ах, свет ты мой живот, дорогой ты мой живот!»
- Л. 115 об., № 129. «Престани, злая Фартуна, прельцати! . .»
- Л. 116 об., № 130. «Се время красно на мне власно. . .»
- Л. 117 об., № 131. «Ой очи, очи, приятные взоры! . .» РП 1765, № 113; РПБ, № 70.
- Л. 118 об., № 132. «Можешь ли ты что во мне признать? . .»
- Л. 119 об., № 133. «Ах, какая шельма дура, что ищешь Амура!»
- Л. 120 об., № 134. «Злато ко мне, зрею, само днесь кагится. . .»
- Л. 122, № 135. «За что на мя злиться, что часто смотрю? . .»
- Л. 122 об., № 136. «Так ли будет верно, на что обещала. . .» — РП 1755, № 106.
- Л. 124, № 137. «При вечерней при зоре холодно стало надворе».
- Л. 124 об., № 138. «Доколи дух мой возмущати? . .»
- Л. 125 об., № 139. «Полно, радость, полно, лапушка моя! . .»
- Л. 126 об., № 140. «Ах, сердцу не можно без печали быть!»
- Л. 127, № 141. «Лишь только занялась заря. . .» — РП 1755, № 107; РП Рублева, № 23; РПЦ, № 34. Универсальная грамматика Курганова, 1769, стр. 311.
- Л. 128, № 142. «Ах, жаль песносны(й), жаль нестерпимый!»
- Л. 129, № 143. «Больше нет уже надежды, чтоб я мог тебя забыть». — Сумароков, VIII, 223. РП 1755.
- Листы с №№ 144 и 145 вырваны. Под № 144 показана в оглавлении песня: «Не рассердись, свет, драгая». — РП 1755.
- Л. 130, № 146. «Хощь пройти ты, молода, мимо моево двора. . .»
- Л. 131, № 147. «Я у матушки просилась, государони просилась». — РП Вахр., л. 113 об.; Лествицын, стр. 197, № 59.
- Л. 132, № 148. «Натура, что творишь, даришь много все вновь».
- Л. 133, № 149. «Лишь толко солнце свет дало. . .»
- Л. 134 об., № 150. «Во Московском государстве за Яузой рекой Шпика-нер девуку лечил от великой немочи». (Конец сходен с песней: «Ночуй, Дуня».)
- Л. 135 об., № 151. «Ах, драгие, моя лета! . .»
- Л. 136 об., № 152. «Не груби, не досажай мне, дорогой! . .» — Новиков, ч. VI, стр. 132, № 142.
- Л. 137, № 153. «Прощай, Москва, пришла тоска. . .» — РПБ, № 67; РП Рублева, № 27. — № 153 написан другою рукою. Может быть, тут вырваны листы с №№ 153 и 154, а может быть просто пропущен в счете № 154. Установить можно лишь исследованием начала и конца песни 152. Важно, однако, что № 153 вошел в оглавление.
- Л. 137 об., № 155. «Вам открываю все леса дремучи. . .» — РП 1755, № 63; РПА, № 53; РПЦ, № 27.
- Л. 138 об., № 156. «Живущни единой пользы в белом свете. . .»
- Л. 139, № 157. «Не летай, не летай, мой сизенькой голубок! . .» — РПЦ, № 98; Киреевский, II, № 1954.
- Л. 139 об., № 157 (bis). «Престань, совесть, мучить! . .»
- Л. 140 об., № 158. «Негде в маленьком леску при потоках речки. . .» — Сумароков, VIII, 258; Чулков, стр. 99.
- Л. 141, № 159. «Коханная, забавная, тяжело, трудно жить без тебя!»
- Л. 141 об., № 160. «Гей, Фартуна, квид тиби Феци мале, Прежде служила, а днесь бежишь чале, Ерант амици Фиделес ет вери, Днесь незнаемы, чужды без меры. . .»

Л. 142 об., (№ 161). (Другой рукой и без нумерации.) «На море синичка добышна была» (2). — С таким началом в рукописных песенниках. В печатных: «З а м о р е м. Д о б ы ш н а только здесь. — РП Рублева, № 216; Соболевский, III, №№ 291—296.

Конец песенника, №№ 161—166, см. в начале, листы 5—9 новой нумерации.

Этот богатый материалом песенник отличается архаичностью своего состава, оригинальностью содержания песен, большой однородностью песенных тем. В этих отношениях он является весьма редким, можно сказать, единственным в своем роде рукописным песенником XVIII в. Редким он является и по своему составителю, повидимому, основательно образованному человеку и, может быть, автору некоторых песен, к сожалению, нам пока неизвестному.

К несчастью, листы песенника не сохранились вполне. Налицо всего находится в нем 168 полных песен: №№ 161—166, 1—51, 51 (bis), 52—53, 53 (bis), 54—72, 72 (bis), 73—78, 78 (bis), 79—83, 83 (bis), 84—86, 86 (bis), 87—90, 92—94, 94 (bis), 95—101, 103—108, 141, 109, 111—114, 116, 118—143, 146—153, 155—157, 157 (bis), 158—161. Вырвано 8 песен: №№ 91, 102, 110, 115, 117, 144, 145, 154. Песня 7 вписана второй раз под № 9 (зачеркнута). Песня № 141 вписана 2 раза. Дублированы в счете 8 номеров: 51, 53, 72, 78, 83, 86, 94, 157. Это, конечно, не ошибка нумерации: все дублированные номера заполняют свободные места страниц с очень короткими песнями и вписаны, очевидно, после тех песен, которые нумеровались в порядке очереди.

Вырванные песни можно отчасти определить по сохранившейся части оглавления. № 154 нет ни в тексте, ни в оглавлении. №№ 155—166 есть в тексте, но не вошли в оглавление. При том под № 157 находятся две песни. Недостает в песеннике 8 номеров, из которых нет в оглавлении 91, 115, 117, 145, 154. По оглавлению мы можем определить номера:

102. «Наглядитесь, очи, в последни на милу».

110. «Многим во свете нужда пресецает».

144. «Не рассердись, свет, драгая».

Основным и старейшим напластованием песенника следует считать любовные канты приблизительно 30-х годов XVIII в., которые идут с самого начала песенника до № 11 подряд, затем интеррека прерываются другими песнями и с все увеличивающимися промежутками доходят почти до конца песенника. См. №№ 1—11, 14, 17—21, 23, 27, 29, 31, 33, 45, 54, 57, 78, 82, 93, 99, 105—107, 112—113, 121, 129, 142, 152—153, 155. В этих кантах кое-где встречаются классические отражения (Амур, Купидин, Аполлон, Венус, Геба). Стих в них обычно «средний», по терминологии Третьяковского, силлабический, с рифмами. Из других источников данные канты во многих случаях неизвестны.

С № 12 любовные канты начинают перемежаться эротическими песнями-стихотворениями, весьма реалистического содержания,

новейшего стиля и творчества. Таковы №№ 12, 25, 28, 41, 56, 122, 127, 133, 134, 137, 156.

С № 13, перемежаясь с другими видами песен, идет ряд элегий нелюбовного, так сказать, философского содержания, такого же склада, как и любовные канты. Сюда относятся №№ 13, 16, 22, 24, 70, 72 (bis), 77, 80, 83 (bis), 92, 111, 130.

С № 15 в песенник вносятся народные украинские песни, разного содержания и склада, частью сильно руссифицированные. Число их довольно велико: №№ 15, 26, 32, 34, 39, 46, 48, 49, 50, 52, 67, 79, 89, 108, 116.

Значительную часть в составе песенника представляют искусственные любовные песни переходного времени, после кантов. Таковы №№ 61, 62, 64, 65, 75, 76, 83, 85, 88, 90, 94 (bis), 97, 102, 119, 123, 124, 131, 132, 135, 138, 139, 140, 146, 148, 157 (bis), 159.

Русские народные песни начинаются с № 35. Число их увеличивается к концу песенника. Они различного содержания, но большая часть их — песни любовные. Таковы №№ 36, 37, 43, 47, 53 (bis), 69, 71, 87, 95, 114, 120, 125, 126, 128. Одна песня с темой: рождение ребенка девушкой — № 51 (bis).

Пастушеских песен всего три: №№ 136, 141, 149.

Для характеристики образованности составителя интересна одна латинско-русская песня (№ 160), в которой стихи идут через строчку: латинские и русские.

Чрезвычайно любопытны в описываемом песеннике некоторые песни частью народного, частью книжного склада, любовного или эротического содержания, которые можно предположительно приписать самому составителю песенника. Следы такой творимой песни мы видим в №№ 12, 27, 35, 55, 63, 68, 72, 73, 84, 86 (bis), 150, 151. Внешний признак свежего непосредственного творчества в этих песнях — редакторские правки текста: зачеркивание первоначально написанных слов и целых строк и замена их другими, вписанными сверху.¹ Для песен совершенно оригинального содержания, не известных по другим источникам, этот признак довольно явное свидетельство авторской работы. Мы должны, впрочем, признать, что подобные поправки встречаются и в других песнях (№№ 29, 38, 81, 147, 157), которые нам известны по рукописным песенникам XVIII в. Вполне возможно, однако, допустить, что и это — произведения составителя нашего песенника, вошедшие в живой песенный оборот и получившие продолжение в письменной и устной традиции.² По одной рукописи Пушкина мы знаем, например, что ему была известна песня нашего песенника: «На горах

¹ См. Приложение, III, VII.

² В этом случае мы должны предполагать, что автор песен был первым композитором и певцом своих произведений, так как в обращение легко могли входить лишь песни «напетые». В свою очередь и в собрании пьес, составляющих песенник, между прочим, входил материал, заимствованный устным путем из живого песенного оборота, так что составитель песенника должен был иметь интерес к напевам песен и способность к их усвоению.

Валдайских ходил Аполлон», написанная под № 29. Песня под № 60: «Светик милая хорошая моя», известна нам по сборнику Чулкова в несколько иной редакции, не совпадающей ни с первоначальным, ни исправленным текстом нашего песенника. Мы могли бы объяснить этот факт как развитие вариантов, идущих от нашего источника. Как бы то ни было, составитель нашего песенника, несомненно, обнаруживает большие творческие наклонности и дарования. Если даже в последних случаях он редактирует текст готовой песни, то в первых скорее можно предположить самостоятельное создание новых текстов. В числе их могут быть и такие, которые писаны чисто, без поправок, например некоторые канты. Недаром же в описываемом песеннике так много песен, которые не встречаются в других рукописных и печатных сборниках XVIII в.

Описываемый песенник в наибольшей и важнейшей своей части — сборник любовных песен. Составитель его первоначально интересовался литературной любовью песней своего времени, кантами, и его собрание сохранило нам много старых пьес этого рода, не известных по другим источникам. Затем его постепенно привлекала к себе русская народная песня, и он со временем интересовался ею все больше и больше.

В содержании описываемого песенника замечательно то, что в нем нет ни одной церковной песни, в нем совершенно отсутствуют канты, восхваляющие царей, цариц и вообще власти (такие канты встречаются почти во всех старых рукописных песенниках); в него не вошла также ни одна историческая песня, в нем нет песен тюремных, разбойничьих, и совершенно отсутствуют обрядовые народные песни. Несомненно, что наш песенник составлял интеллигент, москвич по месту жительства (в текстах есть следы аканья), светский человек по наклонностям и понятиям, имевший связи, вероятно по школе, с украинцами. Он знал нотное письмо и писал песни от № 1 до 128 под нотными строками, но записать ноты успел или пожелал в очень немногих случаях: №№ 56, 59, 101, 121, 122.

Из содержания и выбора песен ясно виден вкус составителя песенника. В нем очень мало длинных текстов. Стиль большинства сжатый и выразительный. Из больших текстов выдается только прекрасная любовная повесть под № 109. Можно думать, что составитель песенника и был тот самый студент,¹ который изобразил в песне под № 76 свою любовь к некоей Марии Сназивой (см. Приложение, X).

Уже с самого начала существования Московской Славяно-греко-латинской академии сочинение стихов учащимися входило в ее учебный план, и ее первые наставники, братья Лихуды, составили по этому предмету, в числе других учебников, «Пиптику», рассчитанную на практическую цель научить писать стихи. Из

¹ Студентами Московской Славяно-греко-латинской академии назывались учащиеся старших классов: богословия и философии. Курс богословия продолжался 4 года, философии 2 года.

учеников академии вышли в XVIII в., кроме других известных деятелей, замечательные стихотворцы того времени: Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Петров, Костров и другие менее известные, как Буслаев, Рубан и др.

Время составления описываемого песенника определяется отчасти находящимся в нем литературным материалом. №№ 86 и 96 представляют песни, извлеченные из сочинения В. К. Тредиаковского «Езда на остров любви», № 100 — стихотворение его же; №№ 143, 158 — песни А. П. Сумарокова.

Песни Тредиаковского в печатные песенники совсем не входили, очевидно, они вышли из моды ко времени первого составления печатных песенников (Чулков, 1770).

Песня № 100 «Весна катит», по указанию самого автора, сочинена в бытность его в московской школе, значит, в промежутке 1723—1725 гг. «Езда в остров любви» издана в 1730 г. Сумароков начал писать популярные песни, возможно, уже участь в Шляхетном корпусе (1732—1740) и во всяком случае в 1740-х гг.; скорее всего и приведенные в данной рукописи песни Сумарокова относятся к ранним временам его творчества.

Итак, литературный материал нашего песенника дает возможность отпестить начало его составления приблизительно к 30—40-м годам XVIII в. За раннюю пору составления нашего песенника говорит и обилие находящихся в нем ранних любовных кантов и нелюбовных элегий, известных лишь в рукописных песенниках и совершенно не использованных печатными песенниками. Тот же вывод можно сделать и из малого числа пастушеских песен (3), помещенных в самом конце собрания и начавших входить в моду в середине XVIII в.

Для образца приводим несколько текстов из описанного нами песенника в современной орфографии (с сохранением некоторых архаизмов) и с необходимыми знаками препинания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I (№ 1). «Есть красота цветуща паче роз и лилей,
Много доброт имуща, а все природны ей.
Богиням краса ея прилична,
И таковая тем не обычна.

Как еже оу вечно не любить?

Все ея ум мене восхищает,
И добро ея мя удивляет;
Все в ней есть любо и предостойно,
Все в тайне ея весьма пристойно.

Как же оу вечно не любить?

Очи ея подобны блистающим звездам,
Вагляды будут угодны и варварским сердцам.
Можно ли солнцу впредь почесть тую,
Зря на красоту ея влатую?

Как же ону вечно не любить?
 Не может оно столь одно блистать,
 Ни сияния столко испускать —
 Сколь очи ея светло блистают,
 Понеже двойной лучей¹ сияют.
 Как же ону вечно не любить?»

Это первая редакция данной песни. В песеннике есть позднейшее ее продолжение, написанное на листе 9. Оно дает еще пять куплетов, 2-й из них в двух редакциях.

II (№ 29). «На горах валдайских ходил Аполлон,
 Играл громко в гусли нежели в лиол (?).
 [Лучше играл в гусли, нежели в лиол (?)].
 Гулял тут Купида, он Венусу сын,
 Стрелил в одно сердце (в одну девку), простреля насквозь.
 Болит мое сердце всегда по тебе.
 Когда ты не вижу (узрю), болезненно мне;
 А когда тебя узрю (ты увижу), тогда весела,
 И сердце в веселий (так) будет завсегда.
 (Прошу ты, Венус: ты в любви сильна).
 Ах, милый Купида, что (так) ты учинил,
 Что ты мое сердце в любви полонил.
 Прошу тебя верно: будь в любви силен;
 Учини нас верных друг другу завсегда».

Песня, как и предыдущие, написана куплетами по четыре стиха. Два последние стиха написаны после, другими чернилами, может быть в начале переработки предполагался 4-й куплет с концом такого же ритмического строения, как и эти две строки. Последний стих песни не слажен с другими ни в отношении размера, ни в отношении рифмы. Песня в данном состоянии текста любопытна, как показатель процесса творческой работы, происходившей в несколько приемов. Во-первых, при самом составлении текста некоторые слова зачеркивались (у нас они в скобках) и заменялись другими (их легко узнать по соответствующему числу слогов). Во-вторых, после некоторые стихи исправлялись (эти стихи, измененные и зачеркнутые, здесь напечатаны в скобках). Затем, судя по иным чернилам, в третий раз производилась работа исправления, при которой приписывались новые стихи.

IV (№ 40). «Вечер млада младешенька я пьяна была.
 Не помню я, младешенька, домой как пришла.
 Пришла млада младешенька, к чюжим воротам.
 Добро было подворьецо, старуха лиха.
 Как жить было с милым другом, старик разлучил.
 Приехали татарова, полонили старика.
 На конь стара посадили-то радость моя.

¹ Здесь луча — женского рода.

Под конь ноги подвязали — веселье мое.
 Назадь руки повязали — хихи да смехи.
 Подле лесу поехали — кручина моя.
 Зацепитца, оторветца, домой прибежит,
 Меня младу младешеньку прибьет, прижурит,
 С милым другом младешеньку в конец разлучит».

Песня шуточная, составленная в стиле известных народных песен, в которых молодая жена издевается над старым мужем.

V (№ 51). «Соловей ли то — на сем свете не птица,
 И на тово-то безвременьцо бывает.
 Поимали да соловеюшка в чистом поле,
 Да посадили соловеюшка во клетку
 Не поят, меня, соловеюшка, не кормят,
 Не свою волю соловеюшка не спускают.
 Что из высока хорошего терему,
 Что из красного косящата окошка,
 Что да узрела, усмотрела красна девица.
 Ах, ты гой еси, молодой да соловеюшка,
 Ты потешь меня, красну девицу,
 Да ты потешь мою сердешную зазнобу.
 Я сама тебя, соловеюшка, потешу,
 Я построю тебе серебряную клетку,
 Прикажу я тебя, соловеюшка, поить, кормить».

Стихосложение в отличие от предшествующих песен, правильно-силлабических, — свободное тоническое. Образ соловья в положении безвременья и вообще первые стихи зачина песни несколько напоминают конец песни Кярши Данилова «Из Кырму и из Нагаю» (стихи о соколе). Общее содержание песен не сходится. Приводим как образец художественной песни народного стиля, не известной в русском песенном репертуаре.

VI (№ 53). «Ах, свет моя кудрявая береза.
 Любила ты при холоде стояти
 Во славные крещенские морозы.
 Во хорошем во зеленом садочку
 Ходила тут, гуляла красна девица,
 Наливные сладки яблочки щипала.
 Из высока хорошего терему
 Узрел да усмотрел добрый молодец.
 А он сам ли молодец да усмехнулся.
 Откуда ето зерно да прикатилось?
 А надобно к нему мастера прибрати,
 А мастера прибрати дорогого,
 Да кто бы ето зерно да проалмазил,
 На золотой спенечик бы посадил,
 Ко двум бы цветным яхонтам придвинул».

Стихосложение тоническое или невыдержанное, а, может быть, разрушенное силлабическое.

В тексте песни видны следы куплетного строения, по 3 стиха в куплете, причем последний стих мог повторяться в пении, и куплет доходил до 4 стихов.

Песня эта — весьма близкий вариант к тексту сборника Киршев Данилова: «Во зеленом садочку» (по изд. 1901 г. № 11а, стр. 163) до сих пор являвшемуся единственным. Наш вариант отличается запевом о березе, которого у Кирши нет. Повидимому, этот запев не сохранился вполне: можно ожидать продолжения о расцветшей березе весной, а затем уже перехода к содержанию песни со слов: «Во хорошем зеленом садочку». Соответствующий Кирше текст нашего варианта изложен несколько иначе. Искаженное в рукописи Кирши или неверно прочитанное издателями слово «спеченик» устанавливается нашим вариантом в своем правильном чтении: «спенечик» (шпенечек). Данное в сборнике Кирши продолжение текста, со слов: «А девушка у девушки спрашивала», очевидно, является иной песней, присоединенной к данной лишь по некоторому сходству и большей откровенности содержания. Иначе составитель нашего песенника, не щепетильный в отношении скромности, внес бы этот конец в свою запись. Сравнение девушки с необработанной жемчужной, повидимому, восточное по происхождению. См. «Книга тысячи и одной ночи» (Лгр., 1932, III, стр. 586—587): «После того, как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам, и Ала-ад-дин вошел к ней и увидел, что она жемчужина несверленная».

VII (№ 55). «А никто про то не знает да и не ведает,
 А что кровью да мое сердце обливается,
 Свет очей моих вон выкатается,
 Моя крепкая дума да отлагается.
 Моя (сладкая) радость (миновалася) ¹ и веселье пременяется;
 Мой надежда от меня прочь собирается,
 (Он на грозную на службу да государеву).
 Я в печали со милым другом прощалася,
 Ах, я слезно со надежаю роставалася.
 (Говорила я милу другу, сама плакала,
 Износила я к нему любовь верную).²
 Я просила у мила друга милости:
 — Не напомни, (мой) моя (надежа) радость, моей грубости
 (глупости).
 Самому про то, надежа, было ведомо,
 Что неместно я искала твоей милости.
 Я стыд свой и бещестье прочь отложила,
 За теб я свою душу, друг, положила.

¹ Слова, взятые в скобки, зачеркнуты в оригинале.

² Эти две строки, взятые в скобки, вписаны другими чернилами.

Ох, утеха моей, друг, ты красоте,
 Ох, лекарство моему сердцу печальному!
 (Я когда с тобой, надежа, друг мой, зрилася,
 Всегда млада сердцем веселилася,
 А ныне всей радости лишилася).¹
 Ах, толко мне утехи веть и радости,
 Когда придут от тебя, друг, ко мне грамотки.
 Я приеду к тебе, друг мой, не замешкаю.
 Не лишай ты меня бедну своей милости,
 Не заставь меня бедну во век плакати».

Стихосложение здесь свободно-тоническое, изредка рифмы. Текст сохранил явные следы авторской переработки. Мотивы содержания — обычные для старых народных песен: разлука с милым, отъезжающим на службу, страдание любящей девушки, уверенность в любви и покорности, просьба писать грамотки и вызвать к себе.

VIII (№ 71). «Сударушка воду носит, сама вода льется.
 Кипарисно коромысло, зачем не сломилось?
 Детинушка неженатой, зачем не женился?
 — Кроме тебя, сударушка, неково мне взяти.
 Против ветра на солнышке рябинка стояла.
 Ах, не ту ли веть рябину ветром пошатало.
 Детинушка девчинушке, ах, грамотки пишет:
 Ты живи, моя надежа, в тоску не вдавайся;
 Наживай, моя милая, иного милого,
 Что иного да милого, только хорошего.
 Что во стучке (!),² во рыночке на высоких горах
 Червон кавтан желт атласной на моем на милом,
 Что у моего милого очи соколовы,
 Еще очи соколовы, брови соболины.
 Ах, взяли да мила друга за белые руки,
 Ах, за белые за руки живые разлуки.
 Знаю, знаю, что миленькой покинути хочет.
 Он нехэй же покидат, он сам себя знает,
 Что иншую хорошую за себя имает.
 Ах, иная то милая ничем меня лутче,
 Что ни ростом, ни пригожеством, ни черным бровнями.
 Только однем она лутче, что живет близенко,
 Что живет она близенко, сама в гости ходит.
 Ах вечер же приходила по утру раненко,
 Ах, твоя прелестница тебя разлучила.
 Разлучи, бог, ее душу со белым со телом».

В данной песне правильный силлабический стих с цезурой. Стиль народных песен выдержан здесь безукоризненно. Содержание не вполне стройно. Конец не согласован с началом.

¹ Эти три строчки вставлены после.

² Какое-то населенное место?

IX (№ 72 bis). «В печали великой ныне пребываю,
 Жалостию злою сердце сокрушаю.
 Моя фортуна мене оставляет,
 Радости зрети мене не допускает.
 Бедное сердце, что так унываешь?
 Или уж жало ты получитьи чаешь?
 Ибо печалми околь окружонно,
 Жалостми злыми зело наполненно.
 А нещастие, ты отступися,
 От печального сердца прочь отлучися.
 Дай же ми радость всегда взирати,
 Да тем могу печаль свою забывати».

Образец нелюбовной элегии. Стихосложение: силлабическое, с рифмованными попарно стихами.

- X (№ 76).
1. «Молодой удал студент (2) во ночи гуляет (2),
 На окошко возлюбленной (2) почасту взирает» (2).
 2. «Ах, почто, моя милая (2), сердцем своим поеш (2),
 По мне, своем возлюбленном (2), непрестанно стонеш?» (2)
 3. «Разыграйся хотя ныне (2), моя радость мила (2).
 Ввеселися зря на меня (2), чтоб боле не ныла» (2).
 4. «Ибо ныне посещаю (2), печальное сердце (2),
 Да не како с сего горя (2), сокрушитца горце» (2).
 5. «Я в очах твоих являюсь (2), да будешь ты рада
 Паче всего возлюбленна (2), панья моя млада» (2).
 6. «Себо ныне прихожду я (2) тебя посетити (2),
 Твое сердце сокрушенно (2) в радость преложити» (2).
 7. «На меня зря, ты любезна (2), радостно явися (2),
 Ко милому невозбранно (2) во любовь склонися» (2).
 8. «Ах, и сэм я ныне, мила (2), горестно рыдаю (2),
 Что доколе я разлучен (2) с тобой пребываю» (2).
 9. «Зря всегда тебя печалну (2), сердцем я терзаюсь» (2).
 По что смутно лице твое (2), о сем сокрушаюсь» (2).
 10. «И поведай мне, милая (2), о чесом ты ныла (2),
 И горячи свои слезы (2) на ланиты лила» (2).
 11. «Не о мне ли ты, дружечик (2), тако всегда тужишь (2),
 Непрестанно ты слезами (2) очи свои мутишь» (2)?
 12. Ах, уж полно тебе, мила (2), обо мне рыдати (2),
 От печална жалка плача (2) время перестати» (2).

Стихосложение здесь правильное, силлабическое с цезурой. Текст написан на двух страницах, так что строчки 1, 3 и т. д. стоят в начале. Первые их буквы тщательно вырисованы; они составляют акростих: Мария Сназина. Итак, эта бойко и ловко написанная песня о молодом студенте и его возлюбленной — повидимому, лирическое авторское произведение. Подлинная фамилия Сназиных известна в том именно церковном кругу, к которому дол-

жен был принадлежать, по крайней мере по своему образованию, и составитель нашего песенника, вероятнее всего — автор данной песни. Мы знаем, что в начале мая 1650 г. Никон, тогда новгородский митрополит, посылал Софийского дома стряпчего Богдана Сназина уговаривать возмутившихся псковичей принести повинную царю. Посольство было неудачно, и Сназин вернулся в Новгород оскорбленный и без успеха.¹

XI (№ 84). «Улица, улица, ты широкая,
Мурава, мурава, ты зеленая!
Я по той хожу, да не нахожуся,
На своего мила не нагляжуся.
— Лапушка мой друг, переполочик,
Ночуй, надеженка, ночку со мною!
— Рад бы я, рад две три начевати,
Боюся стыду и злых людей смеху.
— Свет ты надежа, друг мой сердечный,
За что не любишь, за что ненавидишь?
Али, надежа, тебе не помысле,
Аль я не годна или не удобна?»

Стих здесь силлабический. Рифмы в первых четырех стихах (первый куплет). К распространенному в русских народных песнях зачину здесь составлена небольшая (в два куплета) оригинальная любовная песенка народного склада, в других источниках нам неизвестная.

XII (№ 127). «Ах, в нинешны, недавны времена,
Проявилася всемирная кума,
Ще Настасья Васильевна.
Приучила она всех в гости ходить,
А не меньше к ней червощами носить.
Лучилось мне один раз у ней быть
И на многих кумовой ея смотреть.
Всекопечно не последня она б... ,
За что можно чернецам ея отдать.
Скоро будет непотребна она им,
Отдадут ее келейникам своим.
Ты розбестия, Настасьюшка,
Росканальска дочь, Васильевна,
Всем б. . . была ты сватьюшка,
Ах, сводница сестрам курвам своим.
Недоволна ли ты подъячимй была,
Напоследках ты халуя призвала.
Ах, будет тебе веселие и от прежних почтение.
Ах, ныне проявилась такая

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II, СПб. 1896, стр. 1547.

Ще Натальюшка Михайловна,
 Баская-то сестра ее названная.
 Была к княземцам призрачивая,
 Чернецам она приманчивая,
 Что к подъячим приморчивая ¹
 Ще повадился ходить в гости ² чернец,
 Отчего чуть не погиб было в конец.
 Присмотрели их робята молодцы,
 Что он ходит по ночам к ней завсегда,
 Он носит по многу ей казны,
 Отчего чуть не погиб было страмны (.)
 Приходили к ним робята на сонных.³
 Как учул чернец стук у сеней,
 Он бросился скоро наскоро от ней,
 Убоявшись с щердака скоро упал.
 На бревешечко своим ребром попал.
 Еще ще-то, братцы, стукнуло,
 Под окошечком ухнуло.
 Не чернец ли то упал с щердака?
 Как посмотрят, он лежит бес клобука.
 Ах, сукин сын, чернец да калагирь,
 Ты почто ходишь в чужей монастырь?
 Он стал да им молитися,
 С ними денежкам делитися;
 Он давал же им по два рубли.
 Он сам чернец спокаялся:
 — Да спасибо, что попал я на голей,
 Не попалось на подъячих щеголей,
 То давать бы им черных соболей.»

Стихосложение здесь тоническое. Эта картинная шутивно-сатирическая «семинарская» песня-новелла интересна в отношении быта и нравов той среды, которая изображается в «чернеческих» песнях. Студенты, богословы и философы, вероятные творцы подобных песен, видели в монахах — учителях своих, естественных врагов и клеймили в насмешливых веселых стихах все властвующее тогда сословие, быт которого был им известен с самых интимных сторон. Песня эта единственная. Ни в письменную, ни в печатную традицию она, конечно, и не могла перейти по своей нецензурности, особенно церковно-политической. Она, вероятно, оригинальная, написанная на действительные факты, хотя соблазнительные похождения монаха на чердаке и напоминают несколько чужого мужика на повети у Кириши Данилова. (См. стр. 177, изд. 1901 г.)

¹ Пренебрежительная. Причины видны из конца песни.

² Зачеркнуто и исправлено. Было: чернец в гости.

³ Неразборчиво. Может быть, солпых, солныш — женский угол в доме.